

Чокан Валиханов или мысль Достоевского в степи

Жизнь и творчество Фёдора Достоевского связаны не только с периодом развития радикальных настроений в русском обществе (как нигилизм, социализм). Автор *Записок из мертвого дома* был также свидетелем другого процесса – завоевания Россией и подчинения ею больших просторов Центральной Азии¹. В пятидесятые годы, после освобождения из каторги, писатель был сослан в Семипалатинск (ныне город в северном Казахстане), где служил рядовым. Там в 1854 году Достоевский познакомился с Чоканом Чингисовичем Валихановым, молодым царским офицером казахского происхождения, тогдашним адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири, Гасфорта². Хотя жизненный путь последнего намного отличался от судьбы Федора Михайловича, результатом первой встречи стала их многолетняя дружба. Личность и взгляды Валиханова оказали настолько сильное воздействие на Достоевского, что тот в письме от 14 декабря 1856 года утверждал:

А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда, и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам (...). Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и судьбе Вашей по целым дням³.

Нынешняя статья посвящается мысли Ч. Валиханова, который на протяжении всей своей взрослой жизни участвовал в колониальном освоении Центральной Азии. Автор рассматривает также его связи с Достоевским, переживавшим тогда эволюцию своих политических взглядов в сторону консерватизма.

Мухаммед Ханафия (мусульманское имя Ч. Валиханова) родился в 1835 году, в семье потомка казахского хана Аблая⁴. Благодаря отцу, который участвовал

---

¹ В данной статье автор пользуется термином *Центральная Азия*, под которым подразумевается территория республик бывшего СССР – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Более популярное в русской научной литературе понятие *Средняя Азия* имеет, по отношению к описываемому периоду, более расширенное толкование. См. *Центральная Азия в составе Российской империи*, ред. С.Н. Абашин, Москва 2008, с. 11–15.

² В это время омские (и оренбургские) губернаторы были главными сторонниками продвижения России на юг, к территориям Центральной Азии. Там же, с. 70–73.

³ Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений*, т. 30, Ленинград 1990, с. 248–249.

⁴ Аблай, хан среднего жуза (средней орды, 1771–1781) был известен тем, что удержал независимую от России и Китая власть. См. Z. Łukawski, *Dzieje Azji Środkowej*, Kraków 1996, с. 211–212.

в российской системе управления казахской степью (был избираемым султаном – председателем округа), он получил светское образование в России – учился в кадетском корпусе в Омске – после чего был назначен адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири, Г.Х. Гасфорта. Одновременно с военной службой, Ч. Валиханов занимался этнографией, изучав образ жизни населения Центральной Азии. Плодом многочисленных экспедиций, в ходе которых он выполнял как научные, так и разведывательные функции, были его основные работы: *Очерки Джунгарии и О состоянии Алтышаара*. Чокан Чингисович умер в 1865 году, в возрасте 30-и лет, накануне присоединения центральноазиатских ханств к России⁵.

Характерной чертой царской колониальной экспансии было наличие „восточных” национальностей среди ее участников⁶. Как ни парадоксально, многие из них придерживавшись демократических (иногда даже социалистических) взглядов, считали автократическую империю Романовых страной прогресса, символическим „Западом”. Это было обусловлено тем, что они получали светское образование именно в России, столкнувшись там впервые с „западной” философией⁷. Чокан Валиханов принадлежал к числу представителей „русского ориентализма”. Следует сказать, что синонимом прогресса для него – выходца из мусульманской общины – стало российское православие. Веру эту, воспринимаемую в России как стержень консервативной мысли, он считал „просветительной” и противопоставлял исламу.

Валиханов, описывая в своих работах жизнь казахских кочевников, замечал, что ислам, хотя распространяемый в степи со времен средневековья, все-таки не стал еще неотъемлемой частью местного мировоззрения. В тексте *О мусульманстве в степи* он писал:

Мусульманство пока не вьелось в нашу плоть и кровь. (...) Между Киргизами⁸ еще много таких, которые не знают и имени Магомета и наши шаманы во многих местах степи не утратили своего значения⁹.

Однако:

Под влиянием татарских мулл, среднеазиатских ишанов¹⁰ и своих прозелитов нового учения народность наша все более и более принимает общемусульманский тип. (...)

⁵ *Центральная Азия в составе Российской империи*, с. 332–333.

⁶ Там же, с. 332.

⁷ Такой возможности не имели у себя на родине. В мусульманских школах (мектеб и медресе) того времени, в которых преподавали духовные, ученики изучали прежде всего арабский язык, Коран и закон Шариата. См. Z. Łukawski, *Dzisiej...*, с. 293.

⁸ Такой возможности не имели у себя на родине. В мусульманских школах (мектеб и медресе) того времени, в которых преподавали духовные, ученики изучали прежде всего арабский язык, Коран и закон Шариата. См. Z. Łukawski, *Dzisiej...*, с. 293.

⁹ Ч. Валиханов, *О мусульманстве в степи* [в:] тот же, *Собрание сочинений в 5-и томах*, т. 4, Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии 1986, с. 71.

¹⁰ Ишан – глава суфийской общины, посредством которой в значительной степени распространялся ислам в Центральной Азии. См. S. Zapaśnik, „*Walczący islam w Azji Centralnej. Problem społecznej genezy zjawiska*”, Wrocław 2006, с. 26.

У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора. Наши книжники также энергически, как книжники древней Руси преследуют свою народную старину¹¹.

Валиханов считал консерватизм ислама, „веры враждебной всякому знанию”, основанного на „страхе и побоях”, главной причиной изоляции от внешнего мира, в которой оказалась со своим населением Центральная Азия – прежний центр восточной философии¹². В результате продолжительной экспедиции вглубь этого региона Чокан Чингисович написал работу *Очерки Джунгарии*, в которой зафиксировал:

В Маврельнагре (нынешняя Бухара, Хива и Коканд), в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока (в XIV и XV вв.), теперь господствует невежество и бедность более чем где-нибудь. Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы, (...), Хивы, Бухары и проч., обсерватория в Самарканде безвозвратно погибли под беспощадной рукой татарского вандализма и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного. Даже монументальные памятники прошедшей культуры подвергались гонению мулл (...), как греховная борьба человека с творчеством аллаха (...). Среднеазиатские владельцы теперь не пишут стихов и мемуаров, не составляют астрономических таблиц, как это делали их предки, зато они каждый день торжественной процессией ходят в мечеть и там смиренно беседуют с муллами, а по возвращении домой забавляются с пажамы или идут на арену и смотрят, как два свирепо дрессированные барана бьются лбами¹³.

Особенно резко критиковал наследник Аблая татарских мулл. Их активная религиозная деятельность, поддерживаемая государством со времен Екатерины II¹⁴, приостанавливала, по его мнению, влияние „европейской” цивилизации:

Вообще, киргизскому народу предостоят гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период византийский.

Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств¹⁵.

¹¹ Ч. Валиханов, *О мусульманстве в степи*, с. 71.

¹² Там же, с. 74.

¹³ Ч. Валиханов, *Очерки Джунгарии* [в:] тот же, *Собрание сочинений в 5-и томах*, т. 3, Алма-Ата, Главная редакция Казахской советской энциклопедии 1985, с. 325–326.

¹⁴ Указом от 17 июля 1773 г. императрица провозгласила всеобщую веротерпимость. В 1788 г. она учредила оренбургский муфтиат – духовное собрание мусульман, с центром в Уфе. Его задачей было, между прочим, укрепление ислама среди кочевников. Для практической реализации этих планов власть привлекла российских мусульман – татар Поволжья („казанских”) и Западной Сибири. См. *Центральная Азия в составе Российской империи*, с. 234–236.

¹⁵ Ч. Валиханов, *О мусульманстве...*, с. 71.

Татары отвергают поэзию, историю, математику, философию и все естественные науки, считая их искушениями для слабого человеческого ума, и ограничиваются одной мусульманской схоластикой и казуистикой¹⁶.

В отличие от ислама – веры, в которой „невозможна никакая реформация”¹⁷ – православие выступало в работах Валиханова как „элемент бесспорно просветительный”¹⁸. Молодой офицер не уточнял, какие именно ценности, свойственные для этой конфессии, имеют прогрессивный характер. Однако, из его высказываний можно вывести, что православие, как часть государственной идеологии царской России, положительно влияло на жизнь кочевников, приближав их к европейской культуре. Вообще Валиханов поощрял русское правительство к цивилизаторской миссии в Центральной Азии, наподобие политики США по отношению к индейцам:

Только истинное знание дает спасительный дух сомнения, и только оно научает его ценить жизнь и материальное благосостояние. С того времени, как правительство Соединенных Штатов стало цивилизовать ирокезов, гриков, шактоусов и других краснокожих, индейские войны почти в этой стране прекратились¹⁹.

Частью этой миссии должно было быть, по мнению Валиханова, внедрение русского православия в степи. Поэтому казахский ученый считал необходимым оставлять всех кочевников, принявших христианство, в их местах проживания, для того чтобы они служили примером для остальных представителей своего народа²⁰. В реализации такого указа замечал он большую пользу, как для русских властей, так и населения степи, ибо:

Вследствие совместного житья и смешанных браков, религиозная вражда будет смягчаться, и крещение не будет, как прежде, разрывать родственных связей²¹.

В дальнейшем молодой ориенталист предлагал снять покровительственную систему в отношении ислама:

Приняв такую важную меру в интересах христианства, областное правление должно было принять вместе с тем и репрессивные меры в отношении ислама, ибо без этого невозможен успех христианства²².

¹⁶ Тот же, *Записка о судебной реформе* [цит. за:] В. Королева, *Духовные воззрения Чокана Валиханова*, <http://spgk.kz/Duxovnye-vozzreniya-Chokana-Valixanova.html> (26.06.2011).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ч. Валиханов, *О мусульманстве...*, с. 71.

¹⁹ Там же, с. 72.

²⁰ „До 1861 года всех крещеных киргиз записывали в мещане и в казаки, вероятно, для того, чтобы удалить их от прежней среды и тем самым дать им возможность укрепиться на лоне новой веры. Мера эта похвальная в христианском смысле, в политическом отношении была величайшей ошибкой, ибо пример крестившихся киргиз с удалением из степи делался для киргизского народа беспоследственным” Ч. Валиханов, *О мусульманстве...*, с. 73.

²¹ Там же.

²² Там же.

При всем своем „западничестве” Валиханов отдавал себе отчет в том, что насильственная политика в отношении ислама приведет к противоположному результату, потому что „гонение придает преследуемой вере (...) еще больше энергии и жизненности”²³. Поэтому советовал предпринимать осторожные меры:

(...) на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские²⁴.

или:

Не позволять испанам и ходжам, приезжающим из Средней Азии и татарским семинаристам, жить в кочевьях киргиз без определенных занятий и иметь строгое наблюдение, дабы они не образовали между киргизами дервишеских и мистических обществ²⁵.

Валиханов осознавал, что его антиисламская позиция не пользовалась популярностью среди населения степи. В одном из писем Федору Достоевскому он отметил, что соотечественники считают его „отступником и неверным”²⁶.

Европейское мировоззрение казаха, невыносимое для мусульман, вдохновило однако русского писателя. Достоевский жил после каторги в Семипалатинске, благодаря чему мог следить за жизнью кочевников. Поэтому в письме Валиханову он писал: „Вспомните, что вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне”²⁷. Фёдор Михайлович видел важную задачу, предстоящую перед его приятелем:

Вы бы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью новой дороги для Вас. (...) Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвященным ходатайством за нее у русских²⁸.

Читая сочинения Валиханова, можно сделать некие выводы насчет мысли Достоевского того периода (вторая половина 50. гг. XIX столетия), ибо их дружба – что вытекает из их переписки – основалась на похожем мировоззрении. Интересно однако, которые из взглядов казаха были особенно схожи с Достоевским. Нельзя забывать, что русский писатель тогда уже не поддерживал своих прежних демократических убеждений, ибо во время каторги пережил большой внутренний перелом. Как заверяет Леонид Гроссман:

²³ Там же, с. 74.

²⁴ Там же, с. 71.

²⁵ Там же, с. 75.

²⁶ Ч. Валиханов, *Письмо Ф.М. Достоевскому* [в:] тот же, *Собрание сочинений в 5-и томах*, т. 4, Алма-Ата 1985, с. 152.

²⁷ Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений*, т. 30, Ленинград 1990, с. 249.

²⁸ Там же.

В Сибири (...) медленно подвергались суровой переоценке первые идейные увлечения. Под звучание арстантских песен и под лязг кандалов шел глубокий пересмотр бывшим петрашевцем всех воззрений его молодости. „Мне очень трудно было бы рассказать историю перерождения моих убеждений”, – писал в 1873 году Достоевский, имея в виду переход от утопического социализма 40-х годов к реакционным воззрениям послекаторжного периода. (...) Мы знаем, по его собственным признаниям, что за омское четырехлетие он пересмотрел всю свою прошлую жизнь, подверг себя строгому суду и радикально перестроил свое раннее мирозерцание²⁹.

Также подход к православию нельзя считать общим элементом их мировоззрения. Бывший каторжник проявлял большой интерес к вере „народа”:

Ему казалось, что религиозные представления (...) крестьянства и исповедуемое им православие открывают единственный путь вчерашнему фурьеристу к народному корню³⁰.

В то время казахский ориенталист считал православную конфессию лишь средством на пути его соотечественников к „европейской” цивилизации, отвергав одновременно всякий религиозный фундаментализм³¹.

Можно полагать, что объединяющей чертой этих двух мыслителей был большой интерес к своей нации и ее традициям. Достоевский уже в Сибири обратил внимание на жизнь русских крестьян, их связь с природой – „почвой” народа³². Валиханов, в свою очередь, интересовался коренными верованиями кочевников. Критиковал ислам, он противопоставлял ему не только православие, но и шаманизм, распространенный в домусульманский период, все еще существовавший в степи³³.

Этих двух мыслителей объединяла также идея будущего России, как евразийской державы. Упомянув про „новую дорогу”, автор *Записок из мертвого дома* имел в виду – так как и его приятель – тесное соединение казахских земель с Россией. Если для казаха оно являлось путем степи к Европе, русский писатель считал этот процесс новой дорогой России – путем к просторам Азии.

²⁹ Л. Гроссман, *Достоевский*, http://az.lib.ru/d/dostoevskij_fm/text_0770.shtml (26.06.2011).

³⁰ Там же.

³¹ В уже цитируемой статье О мусульманстве в степи Валиханов писал: „О вреде мусульманского изуверства и вообще всякого религиозного фанатизма на социальное развитие народов, после всего сказанного нами выше, мы считаем излишним распространяться. Известно, что в Европе преобладание теологического духа проявилось в народном развитии самым бедственным образом”. Ч. Валиханов, *О мусульманстве...*, с. 72–73.

³² См. R. Przybylski, *Dostojewski i „przeklecie” problemy*, Warszawa 2010, с. 97–98.

³³ В статье Следы шаманства у киргизов Валиханов писал: „Происхождение шаманства это обожание природы вообще и в частности. Другое чудо – человек. Эта душа, эти способности, этот дух мыслящий и пыгливый, не есть ли очевидное присутствие Божества, той неисследимой вечной силы?”. Ч. Валиханов, *Следы шаманства у киргизов* [цит. за:] В. Королева, *Духовные воззрения Чокана Валиханова*, <http://spgk.kz/Duxovnye-vozzreniya-Chokana-Valixanova.html> (26.06.2011).

Streszczenie

Чокан Валиханов, czyli myśl Fiodora Dostojewskiego w степі

Jedną z mniej znanych postaci związanych z drogą życiową i twórczością Fiodora Dostojewskiego był Czokan Walichanow – kazachski uczonec, oficer wojsk carskich, uczestnik rosyjskiej ekspansji kolonialnej w Azji Centralnej. Walichanow spotkał pisarza po raz pierwszy w 1854 roku w Semipałatyńsku, gdzie ten przebywał na zesłaniu po zakończeniu katorgi. Ich rozmowy oraz korespondencja (zachowało się z niej pięć listów) były poświęcone przyszłości ludności koczowniczej – zwłaszcza w kontekście rosyjskiej ekspansji w regionie Azji Centralnej, roli islamu i prawosławia w polityce imperium.

Artykuł jest skupiony na analizie tekstów autorstwa Czokana Walichanowa ukazujących jego światopogląd – krytykę islamu jako religii hamującej rozwój społeczny oraz pochwałę prawosławia – konfesji, która może przynieść stepowi cywilizację europejską. Autor prezentuje również elementy wspólne w myśli Dostojewskiego oraz Walichanowa – autorów, którzy mimo różnych dróg życiowych wysuwali podobne wnioski dotyczące przyszłości Rosji i terenów przez nią podbitych.

Nota o autorze

Michał Kuryłowicz – magister politologii i kulturoznawstwa – specjalność rosjoznawstwo, doktorant w Instytucie Rosji i Europy Wschodniej Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Zainteresowania badawcze: problematyka kulturoznawczo-politologiczna obszaru post-radzieckiego, zwłaszcza Azji Centralnej.